

— ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ, тридцать лет на сцене — это большой путь. И у него, конечно, есть начало, когда Вы поняли, что быть актером — главное дело всей Вашей жизни.

— Когда я это твердо понял, Лина Семеновна Самборская мне сказала: «Деточка, ты не преодолешь своего вятского говора. На сцене это трудно скрыть». Не потому ли она перед этим смеялась, когда прослушала в моем исполнении две басни. Она и приняла-то меня в театральную студию не потому, что к пятнадцати годам я имел «актерский стаж», будучи активным членом драмкружка в школе и в Доме пионеров. Ее, пожалуй, заинтересовала моя главная «заслуга» — я окончил музыкальную школу и играл на баяне.

Было это в 1935 году в городе Вятке, а Л. С. Самборская — известный театальный деятель — приехала туда открывать театральное училище. Оглядываясь на те, теперь уже далекие годы, я их ценю не как воспоминание о розовой юности. Они дороги памятью о тех людях, которые повлияли и поддержали мою мечту. Самонаше время, наша действительность дала все условия для осуществления этой мечты — и в школе, и в Доме пионеров, и в училище.

А замечание Лины Семеновны стало уроком на всю жизнь: у меня и сейчас забота каждого дня — работа над речью. Усиленные занятия в училище стали трамплином в будущее моей профессии, но существу, в день сегодняшней. И если что-то получилось на сцене, то благодаря повседневному труду, строгому отношению к своему делу.

— В Барнауле Вы начали работать после войны, а училище окончили в 1937 году. Где Вы впервые вышли на профессиональную сцену?

— После училища я выступал на эстраде (кстати, у меня отец был артистом эстрады). Я тогда читал Пушкина, Маяковского, юмористические рассказы. Перед войной я приехал в Барнаул, была договоренность с режиссером. Но началась война... Дорогобуж, Калуга, Центральный, 2-й Прибалтийский фронты. Леонид Двоглазов — автоматчик...

Да только это не про нас: «Пушки грохочут — музы молчат». К 1 мая 1942 года дивизионный ансамбль, руководителем которым меня назначили, уже выступал с концертной программой. С этим ансамблем я и прошел всю войну.

— Вы сказали, что за каждой ролью стоит большой труд. Но вот роль Вами понята, увидена, а у режиссера иное ее понимание, у него свои требования.

— Есть хороший режиссер — есть спектакль. Режиссер, пемантирующий наше ремесло. Способный поставить любую вещь — новейшую или классическую. Причем, у настоящего режиссера классика всегда звучит современно. С таким режиссером спектакль рождается в здоровой, творческой полемике. Он видит спектакль еще до того, как придет с ним к актерам, сумеет убедить, ходом своей мысли зародит в актере уверенность. Иное дело, если актер не почувствует доказательности образа. Тогда появляется неуверенность, теряется почва под ногами, чувствуешь, что не тула ишь.

Одна из трудностей в работе над образом в том, что приходится долго искать свой

ход, чтобы на сцене не «представлять», а жить. И лучше недоиграть, чем наоборот. Я актер острохарактерный, комедийный. Но всегда стремлюсь к тому, чтобы не нарушать органичности происходящего на сцене.

— Среди многих ролей, которые Вы сыграли, наверняка какие-то особенно дороги. О которых говорят — любимая роль...

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

ВСЕГДА ПОИСК

Тридцать лет играет на сцене Алтайского краевого театра драмы заслуженный артист РСФСР Леонид Иванович Двоглазов. Образы, созданные им за это время, учили нас ценить добро, любить родную землю, бороться с тем, что мешает нам жить.

«Трудная, беспокойная профессия — актер, — говорит Леонид Иванович. — Но я не жалею, что выбрал ее. Наша работа нужна людям».

Сегодня Л. И. Двоглазов — участник нашей субботней встречи.

— Любимая — это та, от которой получаешь настоящее удовольствие. Но она совсем не обязательно должна быть положительной. К примеру, мой Сановник в «Снежной королеве». Как ее восприняли дети? Это было, если можно так выразиться, отрицательное восприятие. Каждое мое появление вызывало в зале бурю протеста. Или Заграй в «Несчастном случае». Образ необычного вора, в котором просыпаются патристические чувства, очень интересен для воплощения. А кулак в «Снегах» Ченурина? Это же совершенно омерзительный тип. После этого спектакля кое-кто из знакомых с осуждением поглядывал на меня. Видимо, не могли отделить образ героя от личности актера. Довелось мне играть в одном из спектаклей и Гитлера. Если я говорю об этих ролях, значит, работа над ними была связана со сложным, интересным творческим поиском. И, конечно, совсем в другом ряду стоят образы деда Шукаря, деда Цыбульки из «Таблетки под язык», Терешко из «Трибунала».

— «Трибунал» Андрея Макаенка, «Святая святых» Иона Друцэ — в этих спектаклях созданные Вами образы особенно запомнились зрителям.

Чем они Вам близки?

— Я бы хотел сказать прежде всего о драматургах. Макаенок — это отрадное явление в нашем искусстве. Его творчество архисовременно. Написанные им людские характеры очень дороги нам. А для актера имеет большое значение, получив пьесу, увидеть образ, ярко представленный драматургом. Пьесы Макаенка написаны в своеобразной манере, они жизненны и органичны. Вот почему интересно было играть и в «Трибунале», и в спектаклях «Таблетку под язык», «Левониша на орбите», «Камни в печени».

Я встретился и с творчеством Иона Друцэ. Это драматург-поэт. Герой его пьес — выстраданные образы, а мысль автора в пьесе всегда выстроена великолепно.

— Удача актера во многом зависит и от партнеров. С кем Вам наиболее интересно работать на сцене?

— Я много ролей сыграл с Александрой Мартьяновой Шелякиной. Это талантливая, самобытная актриса, очень работоспособная. Она отделяла любую роль до мельчайших подробностей. Шелякина — чуткий, понимающий партнер. С ней можно импровизировать, конечно, не нарушая характера, стиля спектакля.

Немало ролей сыграно с Дементием Гавриловичем Паротиковым. Это актер, скрупулезно готовящий свою роль. Интересно было работать с Быковым, Кововкиным, Петровым, Рабиновым, Лесниковым, Космачевским. Работа с ними, общение стали лучшей школой мастерства.

— Леонид Иванович, ответьте, пожалуйста, на ставший уже традиционным вопрос: отнимают ли у театра зрителей кино и телевидение?

— Дело не в телевидении. Дело в значительной степени в том багаже, который имеет сегодняшняя драматургия. А потому и ответ на вопрос традиционный: все зависит от хорошего спектакля, особенно на современную тему. Ведь если коллектив подготовит и покажет умную, остро современную, интересную вещь, не нужно будет беспокоиться, что выберет зритель: кино, театр или телевидение.

— Для нас, зрителей, театр — это отдых, сюда мы приходим в свободное время. Чему Вы его посвящаете?

— Признаться, лично у меня свободного времени совсем немного. Особенно когда получаешь новую роль. Читаю то, что может помочь в работе над ней. И вообще много времени уходит на чтение. Любимые авторы — Горький, Первенцев, Лондон, Купер. К некоторым горьковским произведениям, таким, как «Фома Гордеев», возвращаюсь постоянно, всегда нахожу что-то новое.

— Судя по тому, что Вы в некоторых спектаклях, в «Лете красном», например, играли на баяне, увлечение детством не забыто?

— Баян всегда со мной. Еще во время войны я сам писал музыку для фронтовых концертов. Люблю играть Шопена — его вальсы, вокторны, русские народные мелодии.

— Мне трудно удержаться от того, чтобы не спросить о Ваших планах.

— Я бы сказал не о планах, а о своей мечте. Если мне удастся сыграть Бессеменова в «Мещанах» Горького, буду считать, что я сделал на сцене то, что мог.

Беседу вела Л. КОШКАРЕВА.